

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»

Северо-Кавказский филиал

Кафедра общетеоретических правовых дисциплин

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(17 мая 2017 г.)

Сборник статей

Краснодар
2017

УДК 340.11
ББК 67.01
П68

П68 Правоприменительная деятельность в России: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2017 г.). Сборник статей / СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2017. – 114 с.
ISBN 978-5-91718-508-8

В настоящем издании представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правоприменительная деятельность в России: история и современность», состоявшейся 17 мая 2017 г. в Северо-Кавказском филиале Российского государственного университета правосудия. Сборник содержит статьи, в которых рассмотрены актуальные исторические, теоретические и практические аспекты правоприменительной деятельности в России.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами применения права.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

Гараева Галина Фаизовна, заместитель директора Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП» по научной работе, д-р филос. наук, профессор;

Дарда Алексей Владимирович, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП», канд. юрид. наук, доцент;

Ковалева Виктория Викторовна, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП», канд. юрид. наук.

ББК 67.01
УДК 340.11

ISBN 978-5-91718-508-8

© Коллектив авторов, 2017
© Оформление ООО «Издательский Дом – Юг», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

*По материалам Всероссийской
научно-практической конференции
«Правоприменительная деятельность в России:
история и современность»*

Секция 1.

Правоприменение в Российской Федерации: исторический аспект и современность

Баранов А.В.

К вопросу о понятии правоприменительной деятельности 6

Волик К.Б.

Роль правосознания в правоприменении 10

Гусарова М.А.

Особенности формирования и значения профессионального правосознания как фактора эффективного правоприменения в современном российском обществе 14

Ерахтина О.С., Моисеева Е.А.

Ответственность единоличного исполнительного органа за убытки, причиненные хозяйственному обществу: проблемы теории и правоприменительной практики 20

Карапетян Л.А.

Концепция взаимной обусловленности правопонимания и правоприменения в контексте синтетической методологии Б.А. Кистяковского на рубеже XIX–XX вв.: к постановке проблемы 29

Ковалева В.В.

Правоприменительные ошибки как деструктивный фактор правового регулирования 37

Колкарева И.Н., Колкарева Э.Н.

Проблемы толкования новелл гражданского кодекса Российской Федерации о самовольной постройке 43

осуществляемое им должно осуществляться предметно: он не выдумывает, не фантазирует и не «препарирует», производя «нажимы на закон»; он объективно вскрывает смысл, значение и содержание положительного права, обнажая его во всех его достоинствах и недостатках; он раскрывает не только уже живущие в практике стороны его, но и те, которые оставались доселе под спудом, тая в себе возможность новых конфликтов, недоумений, кривотолков и бед... Народное правосознание может стоять на высоте только там, где на высоте стоит юридическая наука».¹

Ерахтина О.С.,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права,

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
(г. Пермь)

Моисеева Е.А.,

студентка 2 курса магистерской программы «Правовое обеспечение
предпринимательской деятельности»,

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
(г. Пермь)

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕДИНОЛИЧНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ЗА УБЫТКИ,
ПРИЧИНЕННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБЩЕСТВУ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

В юридической литературе сложились два подхода к определению понятия гражданско-правовой ответственности. В рамках первого подхода, основателем которого является О.С. Иоффе, гражданско-правовую ответственность определяют как санкцию, применяемую к правонарушителю, в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему гражданского права. Указанного подхода придерживаются Н.Д. Егоров, Д.В. Добрачев.²

¹ Ильин И.А. Учение о правосознании / Родина и мы. Статьи. Смоленск: Посох, 1995. С. 262.

² Гуцин В.З. Гражданско-правовая ответственность // Современное право. 2014. № 1. С. 52–57.

Сторонники второго подхода, в частности, М.С. Синявская, М.И. Кулагин, считают, что суть гражданско-правовой ответственности состоит в компенсации участнику имущественного оборота материальных потерь, причиненных правонарушением, неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств.¹

Соответственно, сторонники первого подхода акцентируют внимание на штрафной функции гражданско-правовой ответственности (возложение на правонарушителя дополнительных обязанностей), сторонники второго подхода в качестве основной функции ответственности выделяют компенсационную функцию, при этом возложение на должника дополнительных обязанностей рассматривается как факультативное условие.

Понимание гражданско-правовой ответственности при первом подходе сводится к характеру последствий для должника, а при втором подходе – к необходимости восстановления нарушенного имущественного интереса кредитора.

В работах зарубежных авторов также можно проследить приверженность второму подходу. В частности, Ф.К. Савиньи указывал на то, что «всякие штрафные меры в гражданском праве существуют не в виде наказания, а в смысле специальной и положительной оценки интереса пострадавшего кредитора».

В соответствии с Германским гражданским уложением предусмотрено, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, виновная сторона должна возместить убытки вместо исполнения по договору, то есть предоставить компенсацию взамен исполнения договорного обязательства.²

Применительно к праву США компенсационная функция ответственности также может рассматриваться в качестве основной. Между тем, следует учитывать, что в англо-саксонском праве распространено понятие штрафных убытков, которые могут быть возложены на виновную сторону, если совершенное право-

¹ Богданов А.В., Клячин А.А. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 62–72.

² Торкин Д.А. Возмещение убытков и гражданско-правовая ответственность в условиях рыночной экономики // Современное право. 2014. № 2. С. 85–89. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

нарушение было отягощено такими обстоятельствами, как недобросовестность, грубая неосторожность или злой умысел. В этом фактически проявляется превентивная функция гражданско-правовой ответственности, которая получила в США достаточно широкое распространение.¹ Некоторыми федеральными законами, предусмотрена возможность взыскания убытков в тройном размере за нарушение исключительного права на патент или товарный знак, за нарушение антимонопольного законодательства. Соответствующие положения содержатся также в законах о защите прав потребителей отдельных штатов.²

Таким образом, признание преимущественно компенсационного характера гражданско-правовой ответственности является в современных условиях более применимым подходом.

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности необходимо установление следующих условий (обстоятельств), характерных для гражданских правонарушений:

- противоправное поведение;
- наличие вреда (убытков);
- причинно-следственная связь между противоправным поведением и возникшим вредом (убытками);
- вина правонарушителя.³

При этом в первую очередь устанавливаются обстоятельства, относящиеся к объективной стороне правонарушения: убытки, противоправное поведение и причинно-следственная связь, а затем обстоятельство, относящееся к субъективной стороне, – вина.

Отсутствие одного из указанных условий (обстоятельств) по общему правилу исключает возможность привлечения к ответственности.

Между тем, в российском законодательстве предусмотрены исключения, к числу которых относится не исполнение или ненадлежащее исполнение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ ли-

¹ Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. Частное и публичное в одном флаконе: штрафные убытки [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

² Будылин С.Л. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании, России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 2. С. 10–39.

³ Габов А.В., Молотников А.Е. Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9. С. 162–178.

цо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, может быть привлечено к ответственности при отсутствии вины, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы

Деятельность лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа (далее – ЕИО), не приравнивается к предпринимательской деятельности. Однако пунктом 1 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусмотрено, что полномочия ЕИО общества могут быть переданы по договору коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему). В этом случае деятельность лица, которому передаются соответствующие полномочия, признается предпринимательской, и, соответственно, гражданско-правовая ответственность может быть применена при отсутствии вины.¹

Рассмотрим основные проблемы привлечения единоличного исполнительного органа за убытки, причиненные хозяйственному обществу.

Во-первых, обратимся к анализу противоправности, как условию гражданско-правовой ответственности.

Противоправным является поведение, нарушающее нормы закона или заключенного договора. При этом с учетом особенностей правового статуса ЕИО, перечень его обязанностей невозможно в полной мере предусмотреть ни в законодательстве, ни в корпоративных документах. В связи с этим, Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусмотрена обязанность ЕИО действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно. Соответственно, поведение лица, осуществляющего функции ЕИО, признается противоправным в случае нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.²

При этом противоправное поведение может выражаться как в виде действий, так и в виде бездействия. В юридической лите-

¹ Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 329–372.

² Шиткина И.С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // «Хозяйство и право». 2013. № 3.

ратуре придерживаются мнения о том, что бездействие может быть признано противоправным, только если на лицо, исполняющее функции ЕИО, возложена юридическая обязанность действовать в соответствующей ситуации.¹

Например, нарушение предусмотренной законодательством обязанности организовать выполнение решений общего собрания акционеров или неисполнение обязанности по публикации данных, составляющих систему ведения реестра владельцев ценных бумаг, будет признаваться противоправным.²

Во-вторых обратимся к наличию убытков, как условию привлечения к гражданско-правовой ответственности. Согласно статье 15 Гражданского кодекса РФ под убытками понимаются реальный ущерб, а также упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Между тем, применительно к корпоративным отношениям сохраняет актуальность вопрос о соотношении норм трудового и гражданского права при определении размера убытков. Возникновение дискуссий по данному вопросу обусловлено особенностью правового статуса ЕИО, выступающего одновременно в качестве субъекта как трудовых, так и корпоративных отношений.

В соответствии со статьей 277 Трудового кодекса Российской Федерации, в первую очередь должны применяться нормы специальных законов, предусматривающих ответственность руководителей юридических лиц за убытки, в том числе статья 71 ФЗ «Об акционерных обществах», статья 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». В случае отсутствия специальных законов применяются нормы Трудового кодекса РФ, ограничивающие размер ответственности руководителей прямым действительным ущербом. Упущенная выгода взысканию не подлежит.

С одной стороны, указанные положения могут свидетельствовать об отсутствии противоречий между нормами Трудового кодекса РФ и специальных законов, регулирующих вопросы ответственности руководителей. С другой стороны, обращаясь к обозна-

¹ Богданов А.В., Клячин А.А. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 62–72.

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.12.2014 по делу № А10-825/2014.

ченным статьям специальных законов, можно отметить, что они также содержат отсылочные нормы к иным федеральным законам, устанавливающим основания ответственности руководителей.

Анализ судебной практики показывает, что в случаях, когда речь идет о возмещении убытков, причиненных действиями (бездействием) генерального директора как ЕИО, приоритет имеют нормы гражданского законодательства. Так, по делу № А36-1224/2011 довод ответчика о необходимости рассмотрения спора в качестве трудового и, соответственно, его подведомственности суду общей юрисдикции был отклонен судом. При этом суд мотивировал это тем, что спор не может быть отнесен к категории трудовых споров, поскольку не касается выплаты заработной платы (пособий, компенсаций), а вытекает из деятельности генерального директора как ЕИО общества. Соответственно, спор является корпоративным и в силу положений статьи 225.1 АПК РФ подлежит рассмотрению в арбитражном суде¹. В постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – постановление Пленума ВАС РФ № 62) впоследствии был отражен аналогичный подход.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что в судебной практике выработан единый подход к решению проблемы соотношения норм гражданского и трудового права применительно к определению размера убытков. Однако в научной литературе не исчерпаны дискуссии по указанному вопросу.

В-третьих, можно отметить особенность, связанную с причинно-следственной связью между противоправным поведением ЕИО и возникшими убытками. В частности, в корпоративных отношениях факт наличия убытков в результате деятельности ЕИО, не всегда будет свидетельствовать о совершенном правонарушении. Возможность возникновения убытков является обычной практикой для субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, что обусловлено рискованным характером указанной деятельности.²

Следует отметить, что принцип обычного предпринимательского риска является аналогом правила защиты делового ре-

¹ Постановление ФАС Центрального округа от 27.02.2012 по делу № А36-1224/2011.

² Алтухова С.М. Специфика гражданско-правовой ответственности лиц, входящих в состав органа юридического лица // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 247–256.

шения, сформулированного судами США, и впоследствии получившего распространение в законодательстве и судебной практике европейских государств, в том числе в Германии. Возможность применения правила защиты делового решения определяется следующими факторами:

- принадлежность спорного решения к сфере предпринимательской деятельности;
- отсутствие конфликта интересов при принятии спорного решения;
- добросовестность действий руководителя;
- должная осмотрительность руководителя. При этом в США правило защиты делового решения не будет применено только в случае грубой неосмотрительности руководителей. Для немецкой судебной практики характерен более взвешенный подход. При решении вопроса о должной осмотрительности руководителя его действия сопоставляются с действиями руководителя, сравнимыми по виду деятельности, экономическому положению¹.

В России на формирование принципа обычного предпринимательского риска, оказало влияние постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П, содержащее положение о специфике предпринимательской деятельности и направленности судебного контроля на защиту прав акционеров, а не проверку экономической эффективности принятых органами управления решений. Между тем, непосредственно сформулирован принцип обычного предпринимательского риска был только в Постановлении Президиума ВАС от 22.05.2007 г. № 871/07. Данным постановлением была ограничена возможность привлечения ЕИО к ответственности исключительно за неэффективность принятых управленческих решений, повлекших убытки.

С одной стороны, введение принципа обычного предпринимательского риска представляется необходимым для развития бизнеса, принятия рискованных, ориентированных на долгосрочный эффект решений. С другой стороны, его применение может способствовать росту количества злоупотреблений со стороны ЕИО.

В-четвертых, можно выделить особенность, касающуюся вины ЕИО. В юридической литературе ответ на вопрос о критериях вины лица, осуществляющего функции ЕИО юридического лица,

¹ Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2015. № 11. С. 132–141.

сводится к увязыванию вины с нарушением принципа – действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.

В частности, М.И. Брагинский, Г.Л. Рубеко указывают, что действия управляющих, нарушающие принцип добросовестности и разумности должны признаваться виновными.¹

При этом критериями разумности и добросовестности действий ЕИО является заботливость и осмотрительность при осуществлении прав и обязанностей. Указанное толкование было дано разработчиками Кодекса корпоративного поведения и поддержано в научной литературе и судебной практике. Между тем, определение таких оценочных категорий, как разумность и добросовестность, через категории заботливости и осмотрительности представляется не лучшим решением применительно к правовой системе России.

Так, И.Л. Иванов отмечает, что при ведении дел общества добросовестный и разумный управляющий обязан проявлять особую заботливость, по меньшей мере соответствующую заботливости обычного предпринимателя в сходных обстоятельствах. А.В. Кулинская указывает, что «добросовестный и разумный менеджер должен действовать с учетом положительной практики хозяйственной деятельности, принимая решения, не влекущие неоправданных рисков для общества, нормальный результат которых предсказуем»² [Габов, 2013, с. 36–79].

М.Ф. Лукьяненко делает вывод о необходимости учета следующих факторов при решении вопроса о разумности действий. Действия должны справедливо учитывать интересы обеих сторон, быть основаны на здравом смысле, не должны причиняться вред или создавать угрозу его причинения. Также подчеркивается, что при оценке разумности действий важно учитывать возможность совершения определенных действий не конкретным лицом, а средним человеком.

Применительно к понятию добросовестности М.Ф. Лукьяненко отмечает, что и в доктрине добросовестность преимущественно рассматривается в объективном значении, т.е. как обязанность лица в соответствии с законом или учредительными документами честно действовать от имени юридического лица.

¹ Рубеко Г.Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. М.: Статус, 2007.

² Цит. по: Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 36–79.

Также подчеркивается и субъективная составляющая, предполагающая максимальный учет интересов компании при принятии того или иного решения.

Применительно к корпоративным отношениям в работе М.Ф. Лукьяненко рассматривается только понятие добросовестности. Между тем, сопоставляя представленные в работе подходы к определению разумных и добросовестных действий, можно отметить, что зачастую происходит смешение данных понятий. В частности, лояльность по отношению к компании, учет ее интересов рассматривается как фактор, характеризующий и добросовестность, и разумность. Такое смешение понятий на уровне доктрины, наряду с отсутствием их законодательного закрепления, способствует существенному расширению свободы судебного рассмотрения при их толковании.

На основании вышеизложенного можно отметить тенденцию к отождествлению противоправности и вины, как условий ответственности. Разумность и добросовестность действий ЕИО, может свидетельствовать как об отсутствии противоправности, так и об отсутствии вины.

Указанный подход к соотношению противоправности и вины является в настоящее время наиболее распространенным как научной литературе, так и в судебной практике. Между тем, современными авторами предпринимаются попытки разграничения противоправности и вины в составе правонарушения, что представляется целесообразным с учетом следующих обстоятельств.²

В частности, к таким обстоятельствам относится упрощение состава совершаемого гражданского правонарушения, что может негативным образом сказываться на правоприменительной практике.

К негативным тенденциям отождествления противоправности и вины относится также возложение бремени доказывания обоих элементов ответственности одновременно на одну из сторон спора, что приведет к усилению дисбаланса в правовом положении сторон.

¹ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010.

² Шиткина И.С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // «Хозяйство и право». 2013. № 3.

Кроме того, фактическое упразднение вины как условия ответственности приведет к приравниванию ответственности членов органов управления юридических лиц к предпринимательской ответственности, наступающей независимо от вины.¹

Проведенное исследование позволяет выделить следующие проблемы, применения института гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа:

- отсутствие единого подхода по вопросу основной функции гражданско-правового института ответственности;
- отождествление противоправности и вины как оснований гражданско-правовой ответственности, что приводит к упрощению состава гражданского правонарушения, усилению дисбаланса в правовом положении сторон;
- недостаточная теоретическая разработка понятий недобросовестности и виновности, их интерпретация с использованием оценочных категорий;
- неоднозначность теоретических подходов к решению вопроса введения принципа обычного предпринимательского риска.

Карпетян Л.А.,

д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП» (г. Краснодар)

**КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ
Б.А. КИСТЯКОВСКОГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В рассматриваемое время отечественная юриспруденция достигла высшего своего развития. Правовое развитие России определялось юридическим позитивизмом. Но в это же время в России появились его критики. Кроме того, многие отошли от позитивизма и образовали школы «возрожденного естественного права» (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой и др.), «психологиче-

¹ Жукова Ю.Д. Соотношение противоправности и вины при нарушении руководителем хозяйственного общества требований разумности и добросовестности // Гражданское право. 2014. № 1. С. 10.